

ХРАМЫ

Наталье Гранцевой

НОТР-ДАМ

Своды пали,
И в небе голом —
Напряжение рваных жил.
Что за жажда — дожечь глаголом
Тех, кто адское пережил?

Знаки, знаки, — долдонят люди,
Но вина целиком на мне:
Так напомнили мне о чуде
Розы¹, выжившие в огне.

КЁЛЬНСКИЙ СОБОР

Дыхание мое оборвалось,
Взгляд запрокинут, губы побледнели.
Взлетает к небесам земная ось.
К чему мне все, что видела доселе?

Вся жизнь была — не та, все дни — не те!
Избавлюсь, чтоб вместить твою громаду —
И замираю в белой немоте
Перед твоим готическим фасадом.

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

служитель в комнате-пенале
пред нами, будто на суде,
живописал, как распинали,
показывая на себе.

Юлия Пикалова родилась в Москве. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии. В конце 2020 года в Москве вышла ее книга стихов «Первая»; в 2021-м в Италии в легендарном издательстве «Laterza» вышла книга переводов ее поэзии «Camminare sull'acqua» и был поставлен спектакль по ее стихам. Живет в Италии.

¹ Розы — витражные окна готических соборов. 15 апреля 2019 года в соборе Нотр-Дам произошел пожар.

мои зрочки теряли резкость,
колени обращались в воск,
и мозг поплыл по галерее
на перламутра белый блеск.

когда глаза открылись снова —
сновали люди надо мной.
завещанное тишиной,
исчезло меж словами Слово,

но ткань, пронизанная телом,
переливалась светом белым.

АКРОПОЛЬ

Отчаяться, отпеть, отгоревать.
Отжить. Отплакать. Подвести итоги.
Но нет, не перестанут волновать
Давно не существующие боги!

Увижу вдруг на городских горах
Сияние небесного портала:
Акрополь в золотых прожекторах.
Афина о таком и не мечтала.

В ПРИТВОРЕ

Мы ловим отблески и блики
В мерцающей глуби упрямо,
Когда ревнители религий
Нас держат на пороге храма.
Что толку шуриться до боли,
Коль наше зрение незрело?
Мечта и Вера, но не Воля
Уводят в горние пределы
К тому, чье имя мы в притворе
Одним дыханьем произносим...
Так мы угадываем море
В просвете корабельных сосен.

КОНЦЕРТ В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

София, София, на взлете орган
И скрипки — стихия, восторг, ураган!
Врата распахнуло, вибрирует свод —
Эгей, берегись! А не то унесет!
Эгей, берегись! А не то унесет!

И музыка мчала, не чуя земли,
И небо сшибало свои корабли,
 И мир озаряло блестящим огнем,
 И ветер плясал необузданный в нем,
 И ветер плясал необузданный в нем.

А музыка мчала, озоном дыша,
И, ширясь, ее не вмещала душа.
 Она пролетела и скрылась вдали,
 И я улыбалась, и слезы текли.
 И я улыбалась, и слезы текли.

ДУША

Так храм оставленный — все храм...
М. Ю. Лермонтов

здесь не идут богослуженья:
 здесь сны идут,
и фресок смазаны движенья,
 и сдвиг минут —
ушедшего приметы быта
 и бытия,
и все разомкнуто, раскрыто,
 как жизнь моя.

сюда, бывало, люди, люди
 текли, текли
и разносили весть о чуде
 путем земли.
а ныне, ныне длится, длится
 иная быль:
зимою снег лежит в глазницах,
 а летом пыль.

а где же люди ныне, ныне,
 в чем ищут суть?
они оставили святыни
 и держат путь
по буреломам, по оврагам,
 покрытым тьмой...
(ты не устал читать зигзагом,
 читатель мой?)

зимою снег лежит в глазницах,
 а летом пыль.
душа моя, мне только снится
 иная быль:

душица, мята, люди, птицы,
колокола...
душа моя, мне только снится,
что я — была!

здесь не идут богослуженья:
века идут.
и фресок смазаны движенья.
и сдвиг минут.
и на разомкнутых орбитах
звенеть звездám.

и небо в куполе пробито.
и аз воздам.

НАТАЛЬЕ ГРАНЦЕВОЙ

Всего две встречи.
Или целых две.

И первая случилась на вокзале
в такую рань, что кажется небывшей,
приснившейся. Но вот же Ваша книга,
Вы подарили воздух, он со мной
на случай духоты или удушья.
Вы спрашивали, пишется ли мне
среди моей тогдашней суеты.
О, что бы я ответила сегодня,
глаза куда бы дела...

А вторая
случилась в октябре у Дома книги,
между моим и Вашим днем рожденья,
и Петербург приветствовал нас ветром:
весь воздух свой гудящий нам принес
и шарфы наши превратил во флаги,
и мы летели — город неся с гиком,
смеялся и разбрасывал слова.
И я в тот день Вам подарила книгу.
Вы эту книгу угадали раньше,
чем автор сам предчувствовать бы мог.

И вот теперь Вы — петербургский воздух.
Я не могу вернуться, но вдыхаю
*европейский, выстраданный, детский,
полудатский, с привкусом слюды,
воздух Петербурга полушведский —
взвесь азота, камня и воды².*

² Цитата из книги Натальи Гранцевой «Воздух Петербурга».